

ЭРНСТ ХАНФШТАНГЛЬ

МОЙ ДРУГ АДОЛЬФ, МОЙ ВРАГ ГИТЛЕР

Взлёт и падение Третьего рейха

Эрнст Ханфштангль

Мой друг Адольф, мой враг Гитлер

«Алисторус»

1957

УДК 327
ББК 66.4

Ханфштангль Э.

Мой друг Адольф, мой враг Гитлер / Э. Ханфштангль —
«Алисторус», 1957 — (Взлёт и падение Третьего рейха)

ISBN 978-5-00180-038-5

С 1921 года до 1937 года Эрнст Ханфштангль был соратником и другом Адольфа Гитлера. Поэтому его мемуары предоставляют уникальный шанс понять, как безвестный художник превратился во всемогущего Фюрера. В книге раскрывается внутренний мир самого страшного диктатора XX века и картина превращения Германской республики в империю Третьего рейха. Ханфштангль показывает, как амбициозный лидер, вступив на путь диктатуры, постепенно становится уверенным в своей безграничной власти богочеловеком и одновременно узником властолюбия и одиночества. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-038-5

© Ханфштангль Э., 1957

© Алисторус, 1957

Содержание

Предисловие	6
Предисловие к оригинальному изданию	9
Введение к оригинальному изданию	11
Глава 1	18
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эрнст Ханфштангль

Мой друг Адольф, мой враг Гитлер

Посвящается Освальду Шпенглеру (1880–1936), историку, философу, патриоту и другу, чьи незамеченные предупреждения и пророчества о Гитлере обернулись такой жестокой реальностью.

© Ханфштангль Э., 2021

© Кобрицов Б., перевод, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Предисловие

У Эрнста Ханфштангля было две родины. Его мать родом из известной семьи Седжвиков в Новой Англии, двое ее прадедов были генералами во время Гражданской войны, а один из них нес гроб Линкольна на его похороны. В Германии два поколения Ханфштанглей служили личными советниками герцогов Сакс-Кобург-Гота и считались ценителями и покровителями искусств. Семья владела издательской фирмой в Мюнхене, занимавшейся публикацией отличных репродукций.

Ханфштангль рос в окружении искусства и музыки и сам был прекрасным пианистом. Я много часов провел в его мюнхенском доме, слушая его блистательную игру и разглядывая двухметровую фигуру, склонившуюся над роялем, что делало его похожим на проказливого медведя. У него было прозвище Путци («Паренек»).

Адольф Гитлер тоже был очарован музыкой Путци и сделал его одним из ближайших соратников в 1922 году. Услышав однажды речь Гитлера в пивной, Ханфштангль был поражен его умением держать внимание аудитории. Он писал: «Люди сидели не дыша, позабыв про пиво в своих кружках, они жадно пили каждое слово говорившего». Рядом с Ханфштанглем сидела молодая женщина, не отрываясь смотревшая на Гитлера: «Словно в религиозном экстазе, она перестала быть собой и полностью попала под колдовство абсолютной веры Гитлера в будущее величие Германии».

В тот момент Путци внезапно решил представиться: «Я готов подписаться под девяносто пятью процентами из того, что вы сейчас говорили, а оставшиеся пять процентов мы должны с вами обсудить». В частности, Ханфштангль был против ярого антисемитизма Гитлера.

Как и многие люди в Германии, Ханфштангль полагал, что сможет контролировать Гитлера. Он одолжил фюреру тысячу долларов без процентов, что позволило тому приобрести две американские ротационные печатные машины и превратить еженедельную нацистскую газету в ежедневную. Путци стал его советником по иностранной прессе.

Вскоре Гитлер стал постоянным гостем в квартире Ханфштанглей. Он влюбился в Хелену Ханфштангль и часто играл в игры с их двухлетним сыном Эгоном. И тоже был очарован музыкой Ханфштангля: «Гитлер таскал меня с собой по домам в качестве личного музыканта, сажал за рояль и заставлял играть». Один раз Путци стал играть «Гарвардский футбольный марш» и рассказал, как девушки из команды поддержки и марширующие оркестры заводили толпу, доводя ее до состояния массовой истерии. Это заинтересовало Гитлера, и Путци показал на рояле, как бодрый американский ритм можно соединить с немецкими маршами, и Гитлер начал вышагивать вперед и назад, как тамбурмажор. «Вот что мне нужно для нашего движения!» – воскликнул он. Ханфштангль написал несколько маршей в этом стиле для оркестра штурмовых отрядов (СА), но самым значительным его сочинением стало переложение гарвардского «Fight! Fight! Fight!» (Борьба! Борьба! Борьба!) в «Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!».

Гитлер стал еще ближе с Ханфштанглем во время своего бегства после провалившегося «Пивного путча», когда пришел искать укрытия в загородном доме его семьи. Здесь он был взят под стражу и отправлен в тюрьму. После его освобождения одним из первых мест, которые он посетил, стал новый дом Ханфштанглей за рекой Изар. Сюда фюрер пришел в канун Рождества, чтобы прийти в себя и снова обрести уверенность в будущем. Сначала он попросил Путци сыграть «Liebestod», а потом возился с Эгоном, маршируя по комнате как солдат, показывая ребенку, как нести его маленькую саблю, и имитируя звук артиллерийской канонады. Позже, оставшись наедине с Хеленой, он положил голову ей на колени и сказал: «Если бы только у меня был кто-то, кто заботился бы обо мне». Но добавил, что он никогда не смог бы жениться, потому что вся его жизнь полностью посвящена своей стране. Хелена вспоминала потом: «Мне показалось, что он ведет себя как маленький мальчик, а не любовник. Возможно, он и был

таким мальчиком. Было бы ужасно, если бы кто-то вошел. Он решил воспользоваться своим шансом, действительно решил. Это был конец его попыток ухаживать за мной, и я оставила это происшествие без внимания, как будто бы ничего не произошло».

Ханфштангль оставался советником Гитлера по прессе долгие годы. Как и многие, кто помогал Гитлеру на его пути к власти, Ханфштангль думал, что сможет удержать Гитлера от перегибов и крайностей. Однако в 1936 году решающее влияние на Гитлера стал оказывать Мартин Борман, и роль Путци в принятии решений стала чисто номинальной. Некоторое время фюрер раздражался, потому что Ханфштангль называл его «герр Гитлер», вместо «майн фюрер», и обращался к нему как к равному.

Ханфштангль знал, что ему грозит опасность, и как-то сказал Эгону, которому еще не было пятнадцати лет: «Дела плохи. Мы ведь все верили в наше движение. Я до сих пор пытаюсь верить в него». Но Эрнст уже видел разгул коррупции и предчувствовал скорое начало войны с Америкой и Англией: «Внутри страны творятся отвратительные вещи. Я виню в этом в основном мерзавцев, уверенно сидящих в своих официальных кабинетах в Берлине и других местах. Но Гитлер отказывается слушать меня». Казалось, что фюрер сам стал разлагаться.

Ханфштангль предупредил своего сына, что его враги практически наверняка рано или поздно захотят его уничтожить. Несколько месяцев спустя, 11 февраля 1937 года, в день рождения Путци, Гитлер приказал ему лететь в Испанию, где тот должен был защищать интересы немецких репортеров на территории, контролируемой Франко. Вскоре после взлета пилот рассказал Эрнсту, что, когда самолет будет пролетать над районом между Барселоной и Мадридом, Ханфштангля собираются заставить выпрыгнуть с парашютом прямо на территорию красных. А это означало смерть. Сочувствующий пилот не сказал больше ничего, но вскоре один из моторов начал захлебываться. Многозначительно глядя на Ханфштангля, пилот сказал, что им придется совершить посадку на небольшом аэродроме.

Эрнст Ханфштангль и Адольф Гитлер

Оказавшись на земле, Путци сказал, что пойдет позвонит в Берлин и узнает, каковы будут дальнейшие указания. Вместо этого он позвонил своей секретарше в Берлин и сообщил ей, что его задание было внезапно изменено и он отправляется провести свой пятидесятый день рождения с семьей в Баварии. Затем он сообщил пилоту, что фюрер приказал им возвращаться в Уффинг. Вместо этого он сел на ночной поезд до Мюнхена, а утренним поездом уже добрался до Цюриха – к своей свободе.

Откровения в этом переиздании классических мемуаров Ханфштангля могут существенно обогатить представление о том, кем был Гитлер, этот Наполеон XX века. Некоторые историки считают Ханфштангля придворным шутом, недостойным внимания, однако, несмотря на все его причуды, он был одним из немногих людей, когда-либо стоявших рядом с фюрером и выживших, чтобы рассказать о нем историю, полную удивительных подробностей.

Джон Толанд

Предисловие к оригинальному изданию

Последним толчком, подвигнувшим меня на создание и публикацию этих мемуаров, я обязан мистеру Брайану Коннелу. Мы встретились несколько лет назад, и он, занимаясь собственными книгами, никогда не забывал об истории, которую я, по его мнению, мог рассказать. Он снова приехал в Германию в 1956 году и в подробностях описал мне схему нашего сотрудничества, с которой я согласился. Мы стали работать.

Эрнст Ханфштангль

Мистер Коннел провел два месяца в Баварии и каждый день несколько часов записывал на пленку рассказы, которые я диктовал. Его воображение и энтузиазм интервьюера позволили преодолеть мое нежелание погружаться в мрачные воспоминания о тех отчаянных днях. Из этих магнитофонных записей и из ранее собранных мною материалов он впоследствии создал черновой вариант книги, превратившейся после совместной редакции в текст, который вы дер-

жите в руках. Тяжкая ноша переписывания на бумагу моих сумбурных воспоминаний пала на бедную миссис Коннел, которой я выражаю отдельную благодарность.

Не в меньшей степени я обязан своей жене, Ренате, за ее огромную помощь в секретарских делах и за ее терпение к бесконечному домашнему беспорядку, который всегда сопровождает литературные труды.

Сама история и ответственность за нее, безусловно, мои, однако в полной мере я должен поблагодарить мистера Коннела за то, что он придумал сравнительно простой способ сократить объем устной речи в печатной форме, и за то, что он помог мне отбросить множество несущественных подробностей.

Наконец, я хочу отдельно поблагодарить тех, без кого не было бы никакого рассказа: моих друзей и товарищей тех лет (многие из них уже умерли), которые были рядом, которые надеялись, трудились и рисковали только ради того, чтобы потом жестоко разочароваться, как это случилось со мной.

Эрнст Ханфштангль

Мюнхен, март 1957 года

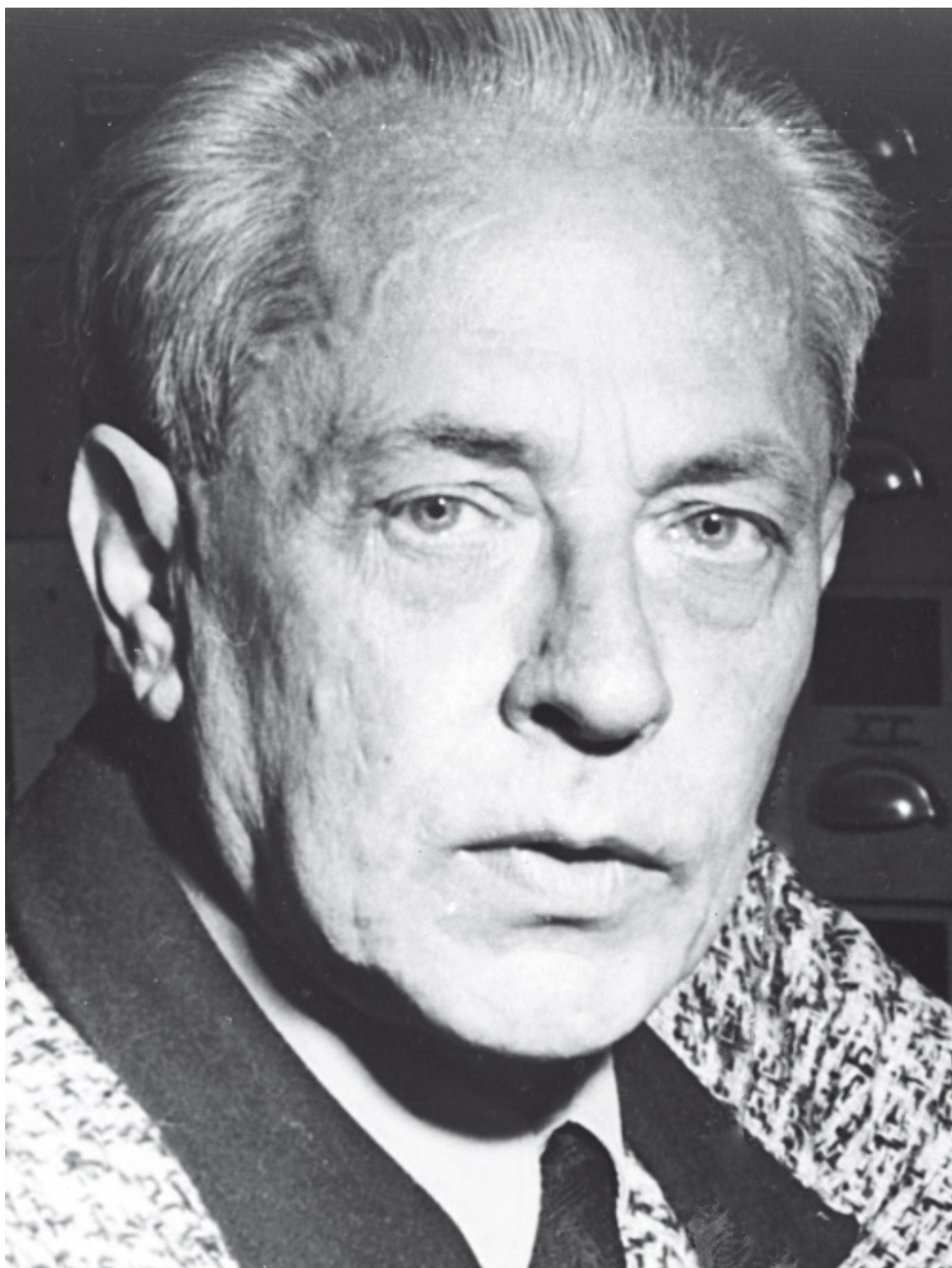
Введение к оригинальному изданию

В первые годы после Второй мировой войны, когда ключевые фигуры периода нацизма сошли с политической арены, мнения о том времени людей, принимавших непосредственное участие в тех событиях, были утеряны для истории. Очень быстро стало невозможным реконструировать на основе свидетельских наблюдений удивительную историю двух десятилетий между двумя войнами, за которые Гитлер поднялся к вершинам власти, а весь западный мир был практически брошен на колени.

Те, кто стремится понять движущую силу этих двух десятилетий, будут удивлены, обнаружив, как много людей из ближайшего окружения Гитлера выжило в годы войны. Большинство из них превратились в потрепанные памятники прошлого, неказистых призраков в грязных плащах, населяющих пригороды Мюнхена. Эмиль Морис, старый друг и первый шофер Гитлера; Герман Эссер, один из немногих ораторов партии, который мог настоять на своем в присутствии своего шефа; Генрих Гоффман, его личный фотограф; Зепп Дитрих, телохранитель, а позднее – генерал СС; даже однорукий Макс Аманн, издатель «Моей борьбы» и шеф-редактор газеты *Völkischer Beobachter*. Оглядываясь назад, я могу сказать, что все они были незначительными фигурами, у них не было ни проницательности, ни достаточного видения мира, чтобы дать целостное представление о становлении политического гения и чудовища, в эпоху которого они жили. Но один из людей, выживших в годы восшествия Гитлера из тени к власти, был совсем другого калибра – доктор Эрнст Ф. Седжвик («Путци») Ханфштангль.

Ханфштангль был представителем вымирающего вида людей – Личностью. Он одним своим внешним видом выделялся из любой толпы. Он походил на башню, ростом сто девяносто сантиметров, с огромной головой и пышной шевелюрой, едва посеребренной сединой, даже когда ему пошел седьмой десяток. Блестящие глаза над прямым носом и резко выступающая челюсть словно отражали его нескончаемый запас смешных комментариев и скабрёзных каламбуров, которые были неотъемлемой частью его выступлений. Его огромные руки терзали клавиатуру пианино в лучших традициях романтизма Листа, и лишь немногие могли ставить под сомнение его суждения в вопросах живописи. Его родителями были немец и американка, из такого сочетания генов и воспитания каким-то образом вырос чистокровный кельт. Когда он вспоминал о жизненных невзгодах, пришедшихся на десять лет, проведенных в изгнании, его живое лицо иногда принимало мстительное выражение друида.

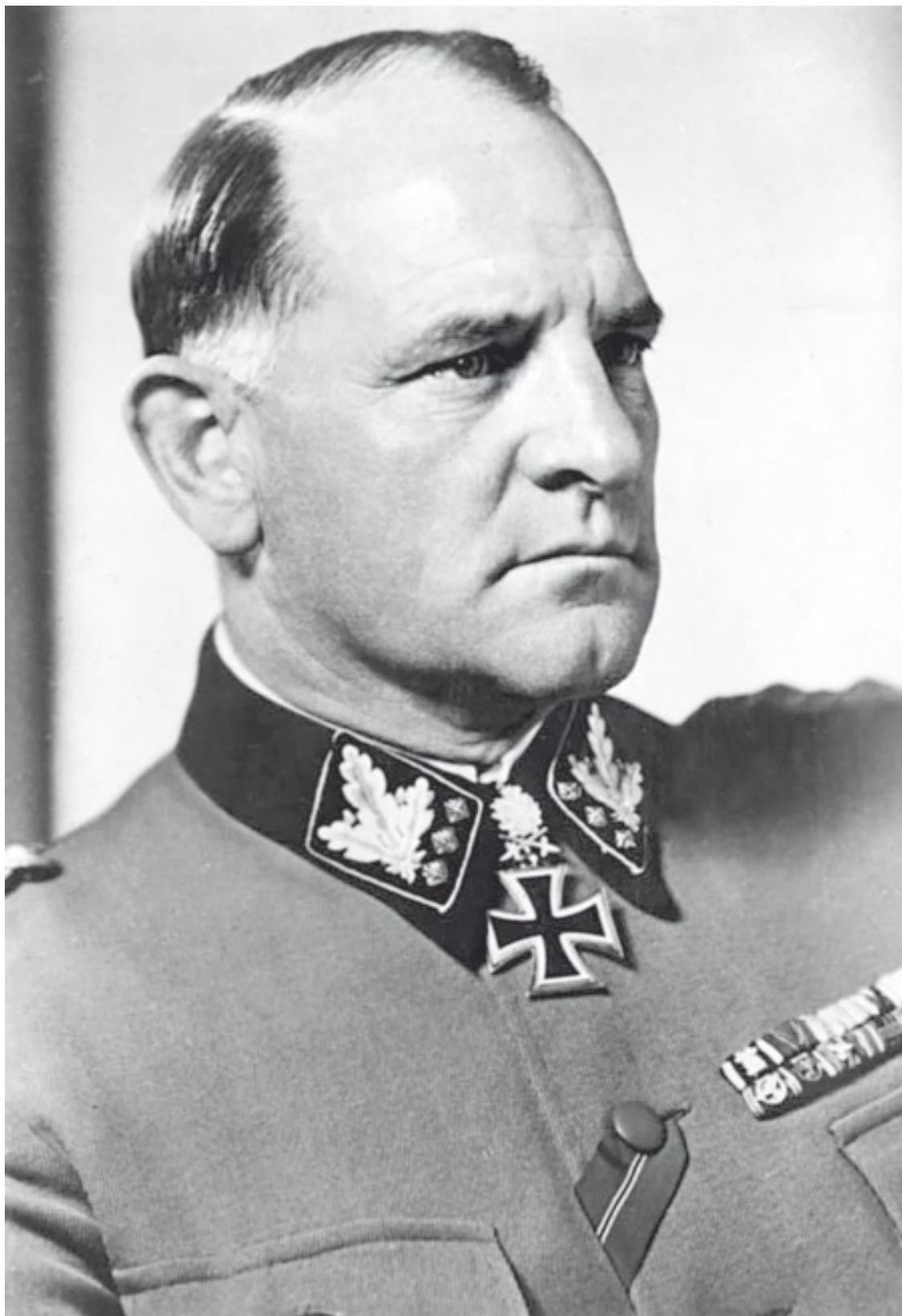
В маленькой группе провинциальных заговорщиков, примкнувших к Гитлеру в первые годы после Первой мировой войны, Ханфштангль выделялся, как вековой дуб среди молодой поросли. Он покинул Германию, когда она находилась на пике имперской славы, и уехал работать в Америку, вернувшись же, обнаружил свою страну разрушенной и никому не нужной. Будучи романтической натурой, он загорелся блестящими перспективами, которые рисовал этот практически никому не известный оратор, а его текущее разочарование только дополнялось тем триумфом, который он интуитивно предвидел. Он стал единственным образованным членом внутреннего круга Гитлера и дал этим людям гораздо больше, чем когда-либо получил обратно. Перестав быть для Гитлера окном во внешний мир и наставником в делах искусства, он превратился в нежелательный голос разума, и его постепенно отстранили от дел. Этот процесс занял около двенадцати лет, и потом ему пришлось спасти свою жизнь бегством.

Генрих Гофман (1885–1957) – немецкий фотограф и издатель. Национал-социалист, близкий друг Адольфа Гитлера, его личный фотограф

Вместе со своей американской женой Ханфштангль был новой гранью в мире Гитлера. Его семья была очень уважаема в Мюнхене. Его отец и дед были желанными адвокатами в судах Виттельсбаха и Кобурга. Они были уважаемыми пионерами в сфере издания репродукций произведений живописи и выдающимися членами романтического движения, представленного Рихардом Вагнером и Людвигом Вторым, последним сумасшедшим королем-меценатом Баварии. Сам Ханфштангль нес в себе ауру Гарварда, он был лично знаком с прошлыми, настоящими и будущими президентами США, был не только вхож в лучшие дома Мюнхена

и вообще Германии, но и связан с незримой сетью международной общественной жизни. Он был одаренным музыкантом, что помогло ему найти прямой путь к терзаемой душе Гитлера – он блестяще играл музыку Вагнера на фортепьяно.

Йозеф (Зепп) Дитрих (1892–1966) – немецкий военачальник времён Третьего рейха, оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС

Макс Аманн (1891–1957) – партийный деятель НСДАП, имперский руководитель печати

Громы Ханфштангля, пробегающие сквозь крещендо прелюдии к «Мейстерзингерам» или «Liebestod», были поистине необыкновенными. Его сильные пальцы после войны потеряли часть своей изысканности, а ассоциации в разных настроениях пробуждали смешные воспоминания, а не музыкальную память, однако все еще можно было понять, как его талант мог влиять на незрелый разум, чем однажды Ханфштангль и попытался воспользоваться. Ибо в те

далекие годы Ханфштангль пытался решить невыполнимую задачу – превратить Адольфа Гитлера, обладавшего магическим даром оратора и огромным внутренним потенциалом, в государственного деятеля.

В отличие от провинциальных ученых, вроде Дитриха Экарта и Готфрида Федера, и псевдоинтеллектуальных фанатиков, типа Рудольфа Гесса и Альфреда Розенберга, Ханфштангль был единственным в окружении Гитлера образованным человеком из уважаемой семьи с культурными традициями. Ханфштангль пятнадцать лет жил в Соединенных Штатах и был оставлен на свободе «под честное слово» даже после того, как Америка вступила в Первую мировую войну. Он глубоко впитал идею о скрытой мощи морских держав и пытался оградить Гитлера от влияния прибалтов, которые желали отомстить России, и от милитаристских фанатиков, стремившихся вернуть военные долги Франции. По его мнению, Германия никогда не смогла бы снова достичь равновесия и величия без сближения с Англией и особенно с США, о невероятном промышленном и военном потенциале которых он знал не понаслышке. Его основным тезисом, который Ханфштангль пытался закрепить в сознании Гитлера, было то, что любые попытки посчитаться с бывшими обидчиками на континенте обратятся в прах, если две морские державы окажутся в противоборствующем лагере.

Будучи протестантом, Ханфштангль пытался сдерживать Гитлера и его главного теоретика, Розенберга, в их кампании против церкви в католической Баварии. Он боролся с политическим радикализмом в любых его проявлениях и вместе с тем, поддерживая главную цель возрождения нации, пытался привлечь Гитлера к традиционным ценностям, которые он сам представлял. Как и многие другие люди его класса и склада ума, Ханфштангль полагал, что поведение Гитлера можно сделать более разумным и взвешенным, как в личной жизни, так и в идеологических взглядах. Все они глубоко разочаровались и были жестоко наказаны за это заблуждение, так как не смогли увидеть, что главной движущей силой поступков Гитлера был не реформизм, а нигилизм.

Семья Ханфштангля первой попыталась социально адаптировать Гитлера. Они познакомили его с миром искусства и культуры, и в те ранние годы становления нацизма их общество было практически единственным узким кругом людей, где Гитлер мог найти покой. После «Пивного путча» именно на их виллу в Баварских Альпах он сбежал в поисках укрытия. Пока Гитлер отбывал тюремный срок, дом Ханфштанглей стал одним из немногих уголков лояльности к нему, а после его освобождения они предприняли последнюю попытку приобщить его к своим ценностям. Потом был некоторый перерыв в отношениях, когда стремление Гитлера к абсолютной власти вырисовывалось все явственней. Тогда Ханфштангль безуспешно пытался использовать свои музыкальные таланты и общественные связи, которые все еще привлекали Гитлера, чтобы заставить того свернуть с революционного пути и, пока не поздно, направить свою энергию в цивилизованное русло.

Ханфштангль был веселым и занимательным собеседником, полным обаяния и жизненной энергии. В его характере было что-то задорное и насмешливое, удивительная способность к красочному и анекдотическому описанию вещей и полное отсутствие внутренних тормозов в ремарках и комментариях. Он наслаждался своей ролью шекспировского шута, подчеркивая свое бахвальство едкими и точными наблюдениями. Более того, у Ханфштангля был один подход к Гитлеру, которым не мог воспользоваться никто другой. В недолгих паузах в ходе выматывающих политических кампаний часто поздно ночью Гитлер искал расслабления, которое мог ему дать только Ханфштангль: час игры на рояле, и у Гитлера успокаивались его издерганные нервы, и он становился более восприимчивым к советам Ханфштангля быть сдержаннее в своих словах и поступках.

Придя к власти, Гитлер назначил Ханфштангля на должность, в которой тот с его обширными знакомствами по всему миру представлял для партии наибольшую ценность. Даже после личного разрыва с Гитлером в конце 1934 года и до своего бегства из Германии в фев-

рале 1937 года Ханфштангль занимал номинальный пост советника по иностранной прессе в НСДАП. Его открытое отрицание революционных методов и жесткая критика людей, ответственных за такие действия, вскоре сделали его присутствие неприемлемым для властей придерживавшихся. Даже если, читая эти мемуары, может показаться, что он преувеличивает личное противодействие и негативное отношение к режиму нацистов, его словам было много свидетелей и в Германии и за границей, они смогли бы засвидетельствовать каждое его слово.

Например, он нигде не упоминает о том, как однажды на многочленном собрании в лицо назвал Геббельса свиньей. Расплатой за этот ранний идеализм стали десять лет изгнания, разочарования и лишений.

Он ушел из жизни скромно, в том же доме в Мюнхене, в котором однажды звучали голоса Гитлера, Геринга, Геббельса, Евы Браун и других давно умерших людей. Вызывая в памяти ассоциации и ощущения, он мог на многие часы полностью погрузиться в прошлое. Он был не только одним из лучших рассказчиков своего времени, но и обладал потрясающим даром пародии, умудряясь вспомнить атмосферу и тембр голосов участников разговора, который происходил двадцать пять, тридцать пять лет назад. Закрыв глаза и вслушиваясь в громогласные речи Гитлера, разглагольствования Геринга, декламации лидеров раннего периода [эволюции нацизма], Дитриха Экарта и Кристиана Вебера, можно было подумать, что ты на самом деле перенесся во времени. Как и его давний приятель, сам Ханфштангль был мастером разговорного слова. Где-то в его мемуарах, которые мы составили вместе, он говорит о маршах и музыкальных композициях, для которых он писал мелодию, полагаясь на других, которые должны были сделать оркестровку. Моей приятнейшей задачей было сделать аранжировку к его потоку воспоминаний.

Будучи человеком артистического склада, Ханфштангль обладал глубинным видением характера Гитлера и его комплексов, которым даже близко не обладал никто из близкого к нему круга в годы его становления как политического лидера. В неполной, хотя и очень обширной биографии Гитлера и истории нацизма Ханфштангль открывает новую грань – образ Гитлера в процессе его развития. Будучи его близким соратником и умным человеком, Ханфштангль умел увидеть комплексы Гитлера, которые определяли его манию величия. Других таких наблюдений нет, потому что ни один другой человек не был способен увидеть подобное и рассказать об этом. На вопрос о том, какое политическое влияние имел Ханфштангль на этого несдержанного демона, ответ может быть только один – никакого. Только благодаря своему доброму имени Ханфштангль остался не запятанным участием в преступлениях гитлеровского режима. Гитлер прислушивался только к тем, кто разделял его предубеждения и исключительно деструктивные порывы. Но в качестве хроникера процесса, в ходе которого Гитлер стал тем, кем он стал, Эрнст Ханфштангль является уникальным человеком.

Брайан Коннел

Сегодня мне сообщили, что ты теперь в Цюрихе и пока не планируешь возвращаться в Германию.

Полагаю, что причиной этого стал твой недавний полет из Стаакена в Вурцен в Саксонию. Уверяю тебя, что вся эта затея была просто безобидной шуткой. Мы просто хотели дать тебе возможность обдумать некоторые свои чересчур неосторожные высказывания. Ничего, кроме этого, мы не имели в виду.

Я направил к тебе полковника Боденица, чтобы он дал тебе дальнейшие объяснения лично. Я считаю, что по многим причинам жизненно необходимо, чтобы ты вернулся в Германию немедленно вместе с Боденицем. Даю тебе свое слово чести, что ты сможешь оставаться здесь среди нас, как это всегда было, абсолютно свободным. Брось свою подозрительность, будь разумен. С самыми дружескими пожеланиями. Хайль Гитлер!

Герман Геринг

P. S. Я рассчитываю, что ты откликнешься на мою просьбу.

Глава 1

Гарвардский подарок Гитлеру

Двенадцать лет, сделавших Гитлера. – Мои школьные дни с отцом Гиммлера. – Предки Седжвиков, Гейне и Ханфштанглей. – Гарвард и Теодор Рузвельт. – Конфликт на Пятой авеню. – Предсказания немецкого еврея. – Мнение американского военного атташе о Гитлере. – Знакомство с агитатором.

Ящик для поленьев в углу камина в моей библиотеке до сих пор закрыт походным ковром, который я одолжил Гитлеру, когда он был заключенным тюрьмы в Ландсберге. Это не то чтобы священная память, но постоянное напоминание о двенадцати годах его пути к власти. В этот период я был членом близкого круга его единомышленников, а из выживших у меня, пожалуй, лучше всего подвешен язык. После освобождения из тюрьмы он пришел именно в мой мюнхенский дом, который я с огромным трудом смог вернуть себе обратно после долгих горьких лет изгнания. Мы стали первой уважаемой мюнхенской семьей, где он был впервые принят, когда еще пребывал в неизвестности. Все время нашей долгой связи я пытался внушить ему какие-то принципы и идеи цивилизованной жизни, и все ради того, чтобы оказаться задавленным криками невежественных фанатиков, его ближайших приятелей. Я вел битву и проигрывал ее против Розенберга и его сомнительных расовых теорий, против Гесса и Хаусхофера¹ с их узколобыми солдафонскими представлениями о мировой политике и стратегии и против Геббельса с его злоеющим и крайне убедительным радикализмом.

¹ Карл Хаусхофер (1869–1946), немецкий политик и ученый, глава германской школы геополитики, чьи концепции, в частности необходимости расширения «жизненного пространства», оказали серьезное влияние на формирование доктрины Третьего рейха.

Карл Хаусхофер

Говорили, что я был придворным шутом Гитлера. Конечно, я рассказывал ему свои шутки, но только для того, чтобы привести его в такое настроение, когда, как я надеялся, он способен был здраво рассуждать. Я был единственным человеком, который мог сыграть на рояле «Тристана» или «Мейстерзингеров», чтобы порадовать его, и, когда это приводило его в правильное состояние мысли, мне в лице одного из его соратников часто удавалось предостеречь его от самых необдуманных поступков. Долгие годы он использовал меня, чтобы придать ореол респектабельности нацистской партии, и когда он уже не мог выносить мою публичную критику крайностей в политике новой Германии, то натравил на меня гестапо и вынудил бежать из страны.

Издано великое множество книг о Гитлере и его времени. Архивные документы его режима были представлены на Нюрнбергском процессе, и с тех пор те или иные сведения регулярно появлялись в официальных публикациях в Америке и Англии. Я не могу надеяться и даже не буду пытаться соревноваться с этой массой документов. Однако, как мне кажется, все еще мало известно о Гитлере как о человеке, в частности о становлении его характера именно в те годы, когда я знал его так хорошо. Когда я встретил его в начале двадцатых годов, он был малозаметным политическим деятелем, несостоявшимся бывшим военным, нелепо смотревшимся в своем синем сержантском мундире. Он выглядел как цирюльник из пригорода в выходной день. Самым большим его достоинством, которое я заметил на одном из партийных собраний, был его голос и исключительное влияние, которое он как оратор оказывал на слушателей. Однако его практически не принимали всерьез, и в редких газетных репортажах даже его имя писали неправильно.

Ко времени ремовского путча в 1934 году, незадолго до моего разрыва с ним, он превратился в убийцу, рвущегося к власти демонического монстра, которого узнал весь мир, о чем потом очень пожалел. Несомненно, черты характера, которые направили его развитие в эту

сторону, были у него всегда. Темперамент человека не меняется. Но получившийся человек стал результатом комбинации обстоятельств, окружения, огромного числа никчемных и невежественных советчиков и, что самое важное, глубочайшей личной неудовлетворенности. История, которую я собираюсь рассказать, стала результатом близкого сотрудничества и наблюдения за человеком, который был импотентом (в медицинском смысле этого слова). Огромная нервная энергия, которая не находила нормального выхода, находила выход сначала в подчинении окружающих, затем страны, затем Европы и повела бы к завоеванию всего мира, если бы его не остановили. В безжизненной пустыне своей личной жизни он лишь однажды почти нашел женщину (такого мужчины он не нашел никогда), которая смогла принести ему облегчение.

Мне потребовались годы, чтобы увидеть всю глубину его личных проблем. Нормальный человек очень медленно привыкает к отсутствию нормы и даже тогда пытается убедить себя, что возврат к нормальному состоянию еще возможен. Гитлер же был совершенно не в себе. Его политические взгляды были извращенными и легкомысленными. Опять же, нормальный человек предполагает, что общепринятые взгляды формируются в результате анализа аргументов, примеров и доказательств. Это были мои заблуждения. Я оставался рядом с Гитлером, потому что был убежден, что его природный гений должен вознести его на вершину. По крайней мере в этом я оказался прав. Но когда он оказался там, его пороки разрослись, а не уменьшились. Именно вкус власти в конечном счете испортил его. То, что случилось после, стало лишь естественным следствием того, что произошло ранее. Об этом и будет мой рассказ.

* * *

Одна весьма косвенная связь с нацистской верхушкой уходит еще в дни моего ученичества. Моим классным руководителем в Королевской Баварской гимназии Вильгельма до начала века был не кто иной, как отец Генриха Гиммлера.

Его дед был жандармом в деревне у озера Констанца, но отец поднялся по социальной лестнице и одно время служил наставником принца Баварского Генриха. В результате он стал ужасным снобом, в любимчиках у него ходили молодые титулованные особы его класса, а к ребятам без соответствующего происхождения он относился с презрением, хотя многие из нас вышли из обеспеченных и уважаемых семей. Его сын был гораздо младше меня, и я помню его бледным, лунолицым, очень надоедливым ребенком, которого иногда видел, привозя работы на дом его отцу на Штернштрассе.

Потом он пошел в ту же школу, и помню, я слышал от старших мальчиков, что у него была крайне плохая репутация, потому что он был ябедой, постоянно доносившим своему отцу на товарищей. Однако в то время я уже учился в Гарварде и был далеко.

На самом деле я наполовину американец. Моя мать – урожденная Седжвик-Гейне. Моя бабушка по материнской линии происходила из известной в Новой Англии семьи и приходилась сестрой генералу Джону Седжвику, погибшему в битве при Спотсильвании во время Гражданской войны, чья статуя установлена в Вест-Пойнте. Мой дед, Уильям Гейне, тоже был генералом в Гражданскую войну. Он служил у генерала Дикса в Потомакской армии. После либеральной революции 1848 года он уехал из родного Дрездена и, будучи по образованию архитектором, одно время помогал декорировать парижскую Оперу, после чего эмигрировал в Штаты. Там он стал известным иллюстратором и помогал адмиралу Перри в качестве официального художника во время его экспедиции в Японию. Он был одним из генералов, которые несли гроб Авраама Линкольна во время похоронной процессии.

Моя мать умерла в 1945 году в возрасте 86 лет, и она помнила эту сцену во всех деталях. Она также прекрасно помнила визиты Вагнера и Листа в семейный дом ее отца в Дрездене, где она впервые повстречала Эдгара Ханфштангля, моего отца. Он был одним из самых красивых

мужчин своего времени и, боюсь, стал прямой причиной разрыва женитьбы короля Людвига II Баварского и его прекрасной кузины Софии Шарлотты, герцогини Баварской, которая позднее стала герцогиней Алансон, после того как вышла замуж за внука Луи-Филиппа.

Я не хочу слишком вникать в эти личные подробности, но история моей семьи сыграла основополагающую роль в моих отношениях с Гитлером. Ханфштангли были состоятельными людьми. Три поколения они служили личными советниками герцогов Сакс-Кобург-Гота и были известными ценителями и покровителями искусств. Семейное предприятие, основанное моим отцом, было и остается по сей день одним из первых в области репродукций картин. Фотографии трех кайзеров Германии, Мольтке² и Роона³, Ибсена, Листа, Вагнера и Клары Шуман, сделанные моим дедом по линии Ханфштанглей, задавали стандарты своего времени. Двери нашего дома на вилле, построенной на Либихштрассе, в то время на окраине Мюнхена, всегда были открыты для гостей. Немногие люди искусства того времени не отметились в гостевой книге нашего дома. У нас бывали Лили Леманн⁴ и Артур Никит⁵, Вильгельм Буш⁶, Сарасате⁷, Рихард Штраус, Феликс Вайнгартнер⁸ и Вильгельм Бакхауз⁹. Мои родители дружили с Фритьофом Нансеном и Марком Твенем. Атмосфера нашего дома была, можно сказать, нарочито интернациональной. Моя мать украсила часть дома зелеными занавесками, потому что это был любимый цвет королевы Виктории, чей портрет с подписью, адресованной по какому-то случаю моему отцу, смотрел на нас из тяжелой серебряной рамы. Разговоры щедро пересыпались французскими фразами. Гости сидели в *chaise-longue* [шезлонгах] за *paravent* [ширмами], а дамы страдали от *migraine* [мигрени]. Они делали *teint* [макияж] и пользовались *parfum* [духами], а друзья назначали *rendez-vous* [встречу] *tête-à-tête* [наедине] в *foyer* [фойе] оперы. Моя семья поддерживала бисмарковскую монархию и, нет нужды говорить, испытывала личную неприязнь к Вильгельму II.

Вместе с тем мы всегда испытывали огромный энтузиазм в отношении социального и технологического прогресса. Либеральные традиции 1848 года были сильны. У нас даже была собственная ванная, это в то время, когда принц-регент посещал заново отреставрированную гостиницу «Четыре сезона» раз в неделю, чтобы принять душ. Жаркий спор о преимуществах капитализма перед социализмом был уже в самом разгаре, и великим пророком новых отношений между работодателем и рабочим стал Фридрих Науманн с его идеями национального социализма. Я вспоминаю, что, когда мне не было и тринадцати, я стал постоянным читателем его еженедельного журнала *Die Hilfe*, а его рассуждения о преимуществах социальной монархии, основанной на христианско-социалистических принципах, стали моим главным политическим убеждением. Как потом я убедился на своем горьком опыте, это был не тот национал-социализм, о котором думал Гитлер.

В этой атмосфере я и родился в 1887 году. Сегодняшний день отстоит от того времени по меньшей мере на три эпохи. Тогда же родилось и мое прозвище, Путци, которое я вынужден был терпеть с тех пор, не в силах что-либо изменить. В два года я подхватил дифтерию во времена, когда вакцинации и детской хирургии совсем не доверяли. Мою жизнь спасла старая горничная, жившая с нами, крестьянка, которая неумоимо кормила меня с ложечки, приговаривая: «Путци, съешь это, путци». На местном баварском диалекте «путци» означает «маль-

² Гельмут Карл Бернхард Мольтке-ст. (1800–1891), германский военачальник, генерал-фельдмаршал и начальник генерального штаба.

³ Альбрехт Роон (1803–1879), прусский военачальник, генерал-фельдмаршал, военный министр Пруссии.

⁴ Лили Леманн, оперная певица.

⁵ Артур Никит (1855–1922), венгерский дирижер и педагог.

⁶ Вильгельм Буш (1832–1908), немецкий поэт и художник.

⁷ Пабло де Сарасате (1844–1908), испанский скрипач и композитор.

⁸ Феликс фон Вайнгартнер (1863–1942), немецкий дирижер и композитор.

⁹ Вильгельм Бакхауз (1884–1969), немецкий пианист и педагог.

чуган», и, хотя мне уже семьдесят лет и ростом я все еще под два метра, это прозвище меня не отпускает.

У меня было три гувернантки. Из них моей любимой осталась Белла Фармер, розоволицая английская красавица, приехавшая из Хартлпулз и рекомендованная моему отцу во время одного из его визитов в Англию женой великого живописца викторианской эпохи, Альма-Тадема. Она просмотрела список претенденток для моей матери и выбрала самую привлекательную. Несмотря на это, самым запомнившимся впечатлением моего детства стал старший сержант Штрайт. Он был великолепным человеком, сыном лесника из Киссингена. У него были внушительные усы, какие носили в Баварской королевской гвардии, и мой отец взял его на работу по рекомендации друга, генерала фон Эйлера, чтобы защитить своих четырех сыновей от опасностей, которым те подвергались, общаясь со слишком большим числом взрослых людей от искусства.

Фридрих Науманн (1860–1919) – германский политический деятель, монархист и социал-либерал, бывший пастор. Один из основателей немецкого Веркбунда

Он приходил каждым воскресным днем, чтобы обучать нас военным умениям, и заставлял маршировать вдоль по лужайке, как знаменитые солдаты Lange Kerls Фридриха Великого. Кажется, даже моя несчастная сестра Эрна участвовала в этих маневрах.

Штрайт делал вид, что отчитывает нас, как толпу нерадивых рекрутов, и мы обожали его. Он был внушительным человеком и околдовывал нас своими рассказами о военных подвигах,

хотя я и не знаю, откуда он их брал, потому что не думаю, что баварская армия выиграла хотя бы одну битву. Все это имело особые последствия для меня, поскольку я прожил в Америке с 1911 по 1921 год, пропустив всю Первую мировую войну, и никогда не смог побороть тоску и комплекс неполноценности при мысли о том, что я не видел войны, которая косою прошлась по моему поколению и унесла жизни двух моих братьев.

Было решено, что в качестве вклада в семейное предприятие, когда придет время, я стану у руля филиала, открытого моим отцом в 1880-х годах на Пятой авеню в Нью-Йорке. Первым шагом для меня стало знакомство с родиной матери. Итак, в 1905 году меня отправили в Гарвард. Это было прекрасное время. Я приобрел друзей, которые в будущем стали выдающимися людьми, среди них были Т. С. Элиот¹⁰, Уолтер Липман¹¹, Хендрик фон Лоон¹², Ганс фон Кальтенборн¹³, Роберт Бенчли¹⁴ и Джон Рид¹⁵. Одно происшествие также способствовало тому, чтобы я стал желанным гостем в Белом доме. Я был здоровым детиной в то время и пытался собрать спортивную команду. Мы тренировались на реке Чарльз однажды холодным весенним утром 1906 года, когда один неуклюжий каноист попал в передрыгу на стремнине и вывалился за борт. Все подумали, что это шутка, но мне не понравилось, как это выглядело со стороны, поэтому я прыгнул в лодку и стал грести к тому месту, где он барахтался. Он выбился из сил и пошел ко дну, и мне пришлось в одежде нырять за ним и заталкивать его обратно в лодку. Потом я сменил мокрую одежду и присоединился к своей команде.

На следующий день газета *Boston Herald and Globe* вышла с сенсационным репортажем о «Ханфштангле, герое Гарварда» и о том парне, студенте теологического факультета, который утонул бы без моей помощи, ну и прочая ерунда. Мое имя написали совершенно невероятным образом, но тем не менее оно стало известным в колледже, и именно после этого я познакомился с Теодором Рузвельтом, старшим сыном президента.

В Гарварде я снискал большой авторитет как пианист. Этому, безусловно, были причины. Моими учителями в Мюнхене были Август Шмидт Линдер и Бернхард Штавенхаген, один из последних учеников Листа, а мои большие руки позволили мне в совершенстве овладеть стилем романтической школы. Однако мои музыкальные таланты в основном были востребованы для воодушевляющих маршей на матчах по американскому футболу. Я даже сочинил один из этих маршей, «Фалара», сыгранный мною на мотив одной старой немецкой мелодии. Гарвардская футбольная команда брала меня с собой, чтобы я подбадривал их игрой на рояле перед матчем. Президент Теодор Рузвельт, типичный экстраверт, услышал о моем подвиге от своего сына и пригласил меня в Вашингтон зимой 1908 года. В последующие годы я часто встречался с ним, но эта встреча сильнее всего отпечаталась в моей памяти: сугубо мужская компания в предзакатный час в подвале Белого дома и я, порвавший семь басовых струн на его превосходном «Стейнвее».

Я вернулся в Германию из Гарварда в 1909 году, чтобы в течение года отслужить в частях Баварских королевских пехотинцев. Вся военная подготовка на службе осталась с XVIII века. Мы брали ружья на плечо, маршировали со знаменем, стояли в карауле перед королевским дворцом, и единственным случаем, отдаленно напоминавшим военные действия, стал эпизод, когда несколько моих гарвардских друзей под началом Гамильтона Фиша (позже он примкнул к лагерю изоляционистов в Конгрессе США) увидели меня, стоящего на часах, и пригрозили

¹⁰ Томас Стернз Элиот (1888–1965), выдающийся американский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1948).

¹¹ Уолтер Липман (1889–1974), американский публицист и социолог, либеральный консерватор, идеолог Лиги Наций и концепции национальной безопасности.

¹² Хендрик Виллем фон Лоон (1882–1944), голландский и американский писатель и художник.

¹³ Ганс фон Кальтенборн (1878–1965), известный американский радиокomentатор.

¹⁴ Роберт Бенчли (1889–1945), американский театральный критик, эссеист, снимался в фильмах Альфреда Хичкока.

¹⁵ Джон Рид (1887–1920), американский журналист, один из организаторов компартии США, член Исполкома Коминтерна.

сбить мою каску и сыграть ею в футбол прямо на Фельдернхалле. Когда я пригрозил позвать охрану, они оставили меня в покое. Потом после года обучения в Гренобле, Вене и Риме я вернулся в Штаты и принял бразды правления филиалом предприятия Ханфштанглей на Пятой авеню.

Трапезничал я в основном в гарвардском клубе, где познакомился с молодым Франклином Делано Рузвельтом, в то время набиравшим популярность сенатором от штата Нью-Йорк, и получил несколько приглашений погостить у его двоюродного брата Тедди, бывшего президента, который ушел на покой и жил в своем владении на Сагамор-хилл. Он был горячо рад видеть меня в своем доме, кроме того, дал мне два совета, которые сильно повлияли на мое мировоззрение. «Ну, Ханфштангль, – говорил он, – как прошла твоя военная служба? Бьюсь об заклад, что она не причинила тебе никакого вреда. Я краем глаза видел твою армию в Деберице, когда наносил визит кайзеру, дисциплина, подобная той, никому не может навредить. Ни одна нация не вырождается, если будет поддерживать такие стандарты». Должен сказать, что меня очень удивили его слова, потому что Вильгельм II совсем не способствовал росту популярности Германии в то время, однако это замечание стало еще одним доводом в пользу идеализированного представления об армии, которое я получил от сержанта Штрайта. Потом мы говорили об искусстве, литературе и политике, и экс-президент выдал фразу, которая навсегда отпечаталась в моем мозгу: «Ханфштангль, твой бизнес заключается в том, чтобы выбирать лучшие картины, только помни, что в политике выбирают меньшее из двух зол».

Представительство Ханфштанглей удивительным образом сочетало в себе бизнес и развлечения. Знаменитостям, которые были там моими гостями, нет числа: Пирпонт Морган, Тосканини, Генри Форд, Сантос-Дюмон, Чарли Чаплин, Падеревский и дочь президента Вильсона. Когда грянула война, нельзя сказать, чтобы я был удивлен. Несколько лет назад один мой старый гарвардский друг из Нового Орлеана, Фредди Мур, проживший большую часть жизни в Константинополе, однажды сказал: «Помни, Ханфи, следующая война начнется не на франко-германской границе, а на Балканах». Выстрелы в Сараево подтвердили его пророческие слова.

Особых сомнений в том, чью сторону в конечном счете в этом конфликте примет Америка, не было, но я пытался изо всех сил поддерживать репутацию немецкого флага.

Я договаривался с оркестрами с немецких судов, блокированных в гавани Нью-Йорка, чтобы они приходили и играли для наших соотечественников в поместье Ханфштанглей. Если они играли «Стражу на Рейне» и это привлекало враждебно настроенную толпу, я просил их быстро переключиться на «Голубой Дунай». Но в обществе, которое стало считать даже немецких такс «пятой колонной», это работало только непродолжительное время. Однажды окна моего магазина разбились, и с тех пор я понял, что осторожность – лучшая сторона доблести. Когда Америка наконец присоединилась к союзным войскам, мне повезло, что моим адвокатом был сенатор Элайю Рут, служивший государственным секретарем при Рузвельте. В обмен на мое обещание не участвовать в какой-либо антиамериканской деятельности я не был интернирован. Я ему сказал, что если бы мог, то устроил бы им веселую жизнь, но одного малого усилия недостаточно, чтобы повлиять на исход войны. И они оставили меня в покое, хотя моя свобода передвижения фактически была ограничена Центральным парком. Тем не менее это не мешало администратору трофейного имущества присвоить себе все активы фирмы Ханфштанглей в последние месяцы войны. Они стоили около полумиллиона долларов, а были проданы на аукционе примерно за восемь тысяч. Однако сразу после подписания перемирия мне разрешили основать свое дело, и я открыл «Магазин академического искусства», как я его назвал, прямо напротив Карнеги-холла. Этот бизнес позволил мне держаться на плаву следующие три года.

Новостей из Германии было немного. Я слышал, что большевики захватили власть в Мюнхене, однако для меня в ту пору это имело другое значение, чем сегодня. Тогда мне казалось, что это была форма популярного движения сопротивления против победившей стороны,

участники которого, безусловно, были крайне разгневаны. Я задержался в Штатах из-за разрыва дипломатических отношений, а в 1920 году женился. Жену мою звали Хелен Нимейер, она была единственной дочерью американского бизнесмена немецкого происхождения, эмигрировавшего из Бремена. В следующем году родился наш сын Эгон. Мне действительно казалось, что пришла пора вернуться домой. Поэтому, уладив некоторые дела, связанные с продажей моего дела партнеру Фридриху Денксу, сыну лютеранского священника, в июле 1921 года мы отплыли на пароходе «Америка», направляясь в Бремен. Я не был в Германии уже десять лет и путешествовал с солидными документами, выданными швейцарским консулом в Нью-Йорке, как представитель интересов Германии. Спустя совсем немного времени эти документы спасут жизнь Адольфу Гитлеру.

Я обнаружил Германию расколотой на части, на грани разрухи. Городские рабочие, сторонники центристов, и капиталисты поддерживали новую республику, юнкеры, верхушка среднего класса и крестьяне мечтали о старой монархии. Даже бодрящий солодовый воздух Мюнхена не мог отвлечь от вида некрашенных домов и осыпающегося фасада прекрасного Королевского театра. Моя семья встречала нас на вокзале, уже без моей матери, Эрны, и без моего старшего брата Эдгара, а первой трудностью, с которой мы столкнулись в гостинице «Четыре сезона», было найти молока для маленького Эгона. Оно выдавалось по норме, да и найти его можно было, лишь заказывая дикие количества кофе, чтобы оправдать получение маленьких бутылочек сливок, которые выдавались вместе с каждой банкой кофе. К счастью, моя мать, верная своему коннектикутскому прошлому, купила небольшую ферму рядом с Уффингом на озере Штафель у подножия Альп, поэтому, в отличие от большинства немцев, у нас не было проблем с едой. К сожалению, мать стала жертвой мошенников-слуг, работавших на ферме, которые продавали продукты на черном рынке по заоблачным ценам, а разницу клали себе в карман.

Практически первым политическим событием, которое отметило мое возвращение, стало убийство парой правых радикалов Матиаса Эрцбергера, который в 1881 году подписывал перемирие. Взаимные угрозы, статьи о сепаратизме, путчизме и терроризме заполняли газетные полосы того времени. Тон прессы с каждым днем становился все более агрессивным и оскорбительным. Мне стало очевидно, что в политическом смысле Германия превратилась в сумасшедший дом, с тысячами вариантов развития и без единой спасительной идеи. Я по привычке был консерватором или, по крайней мере, монархистом и с сожалением вспоминал счастливые дни Людвиг Второго и Рихарда Вагнера. Как и для большинства экспатриантов, мои часы остановились в момент, когда я покинул Германию, и мне казалось, что все старое и напоминавшее мне о старых временах было хорошим, а все новое в жизни, не вписывавшееся в это представление, было дурным. Мне было обидно презрительное отношение к армии, и меня глубоко потрясала бедность честных рабочих. Меня миновали беды предыдущего десятилетия, и, может быть несколько неловко, я хотел помочь своей стране, но не мог найти применения своим силам.

Маттиас Эрцбергер (1875–1921) – немецкий писатель и политик. Член партии Центра. Руководитель комиссии по перемирию и рейхсминистр финансов Веймарской республики

Чтобы привести свои мысли в порядок и понять, что делать, я решил изучать немецкую историю. Мы снимали квартиру, которая принадлежала приемной дочери живописца Франца фон Штука, на Генцштрассе, 1, в Швабинге, мюнхенском Монпарнасе, и я обратился к своим книгам в надежде, что прошлые события могут дать ключ к решению проблем времени насто-

ящего. Я открыл для себя, что идеальным персонажем, вокруг которого стоило сосредоточить свои исследования, был американский лоялист Бенджамин Томпсон, граф Рамфордский. В последнем десятилетии XVIII века он провел реформы управления и общественной жизни в Баварии для курфюрста Карла Теодора. Я обнаружил так много удивительных параллелей в его работах по социальным преобразованиям с современной мне ситуацией, что решил написать книгу о нем.

Одним из людей, с которыми я обсуждал свои планы, был Рудольф Коммер, блестящий австрийский писатель, с которым я познакомился еще в Нью-Йорке. В моем начинании он сразу увидел прекрасную идею для фильма, и в течение большей части лета 1922 года мы работали с ним над сценарием на вилле в Гармиш-Партенкирхен. Наконец мы закончили, и результат наших трудов имел объем «Войны и мира» Толстого, так что неудивительно, что фильм этот никогда не был снят. Незавершенность проекта с лихвой компенсировалась хорошей компанией умных людей, включая многих еврейских друзей Рудольфа, например Макса Палленберга, известного актера, и его еще более известную жену Фрици Массари. Их циничное и пренебрежительное отношение к старому режиму было абсолютно противоположно моим политическим убеждениям, однако мы стали верными друзьями.

Одно из пророчеств Коммера навсегда впечаталось в мою память. Я встретил его, прогуливаясь по Партнахкламме в день, когда все газеты пестрели новостями об очередном политическом убийстве, жертвой которого стал Вальтер Ратенау, еврей, министр иностранных дел. Как раз в то время антисемитские настроения в Германии приобретали серьезный размах, и с недавних пор повсюду в глаза бросались красные свастики и оскорбительные антиеврейские надписи, намалеванные на городских стенах и скалах вокруг Гармиша.

Коммер сказал: «Грязные дела затеяли эти ваши друзья-монархисты. (Он сказал „монархисты“, так как термин „национал-социалист“ был еще практически неизвестен.) Этот их расовый романтизм приведет в никуда. Есть лишь одна опасность. Если появится какая-нибудь политическая партия с антисемитской программой во главе с фанатиком евреем или полукровным евреем, нам придется быть начеку. Потому что только такой человек сможет довести это дело до конца». Время показало, насколько он был прав.

Между годами в Гарварде и встречей с Гитлером прошло много времени, но в моем случае связь была самой прямой. В 1908 году я участвовал в шоу под названием «Факиры судьбы» в клубе «Пудинг по-быстрому», где я был одет в студенческое облачение прошлых веков, изображая голландскую девочку Гретхен Спутсфайфер. Другим участником представления был Уоррен Робинс. К 1922 году он занял высокую должность в американском посольстве в Берлине, а я в то время уже около года жил в Мюнхене. Я уже встречался с ним не так давно, а во вторую неделю ноября он мне позвонил по телефону.

«Слушай, Ханфи, – сказал он, – что у вас там в Баварии происходит?» Мне пришлось рассказать ему, что, честно говоря, я не знаю. Вся страна в те беспокойные послевоенные годы представляла собой арену политической агитации, и мне не слишком хотелось пытаться держать руку на пульсе событий. «Ну, мы посылаем туда нашего молодого военного атташе, капитана Трумэна-Смита, чтобы он у вас осмотрелся, – продолжил он. – Позаботься о нем и представь его некоторым людям, хорошо?»

Трумэн-Смит оказался очень приятным молодым офицером лет тридцати, выпускником Йеля, но, несмотря на это, я был с ним приветлив¹⁶. Я дал ему письмо к Паулю Николаусу Косману, редактору *Münchener Neueste Nachrichten*, и пригласил его к себе на ланч, когда ему будет удобно. Должен сказать, он работал как муравей. За несколько дней он встретился с наследным принцем Руппрехтом, Людендорфом¹⁷, фон Каром¹⁸, графом Лерхенфельдом и другими

¹⁶ Студенты Гарварда и Йеля традиционно соперничают.

¹⁷ Эрих Людендорф (1865–1937), немецкий генерал, руководитель военных действий на Восточном фронте в период Пер-

людьми, которые входили в высшие государственные круги. Вскоре он уже знал о политической ситуации в Баварии больше, чем я.

Мы обедали в последний день его визита 22 ноября, когда он сообщил, что более или менее завершил свои дела. В посольстве ждали его возвращения, и он уезжал ночным поездом.

– Должен сообщить вам одну вещь, – сказал он мне. – Этим утром я встретил самого удивительного человека, которого когда-либо видел.

– Правда? – ответил я – И как его зовут?

– Адольф Гитлер.

– Вы, должно быть, ошиблись именем, – сказал я. – Не путаете ли вы его с Гильпертом, германским националистом, хотя, честно говоря, я не вижу ничего примечательного в нем.

– Нет, нет, – повторил Трумэн-Смит. – Гитлер. В округе развешаны плакаты о митинге, который должен состояться сегодня вечером. Говорят, он выступает с лозунгами «Нет евреям!», но вместе с тем у него самая убедительная позиция в отношении немецкого самосознания и прав рабочих и нового общества... У меня сложилось впечатление, что он сыграет значительную роль в политике, и, нравится он вам или нет, он точно знает, к чему стремится. Он говорит, что люди в Берлине никогда не смогут объединить нацию, если они будут продолжать действовать как сейчас. Первым делом нужно удалить красную толпу с улиц и молодежь из подворотен, надо привить некоторое представление о порядке и дисциплине и восстановить уважение к армии и людям, сражавшимся на войне. У него точно есть представление о направлении развития, которого нет ни у кого из нас. Мне дали удостоверение прессы на сегодняшний митинг, а я не могу пойти. Может, вы заглянете туда вместо меня и поведаете о своих впечатлениях?

Вот так я встретил Гитлера.

Я проводил Трумэна-Смита на станцию, где мы встретились с одним очень неприятным типом, который ждал нас на платформе, – неопрятный мужчина с землистого цвета лицом, выглядевший как полуеврей, в негативном смысле этого слова. Трумэн-Смит познакомил нас: «Это герр Розенберг. Он пресс-секретарь Гитлера и дал мне билет на сегодняшний вечер». Я не был в восторге от всего этого, но мы проводили поезд, и затем мой новый знакомый предложил мне составить компанию на этой встрече. И вот мы отправились на трамвае до пивной «Киндлеллер», где и происходило все это действо. Мне немного удалось вытянуть из него, только то, что родом он из Прибалтики и не имеет никакого представления о мире за пределами Центральной Европы.

Большой Г-образный зал «Киндлеллер» был битком набит самой разношерстной публикой. Казалось, что там была куча людей из класса консьержей и лавочников, немного бывших офицеров и мелких чиновников, огромное количество молодежи и рабочих. Довольно много людей были одеты в национальные баварские костюмы. Мы с Розенбергом протолкались сквозь толпу до столика прессы, который находился справа от помоста.

Я осмотрел зал и не увидел никого знакомого ни среди зрителей, ни на помосте. «А где Гитлер?» – спросил я журналиста средних лет, сидевшего рядом со мной. «Видите тех трех вон там? Низенький – это Макс Аманн, в очках – Антон Дрекслер, а третий – Гитлер». В тяжелых ботинках, темном костюме и кожаном плаще, белом накрахмаленном воротничке и со странными усиками, он не производил особого впечатления, походя скорее на официанта в привокзальном ресторане. Тем не менее, когда Дрекслер объявил его выход, зал взорвался аплодисментами. Гитлер выпрямился и прошел мимо столика для прессы быстрым уверенным шагом, безусловно выдававшим в нем бывшего военного.

вой мировой войны, активный участник Капповского путча 1920 года и Мюнхенского путча 1923 года, сторонник доктрины тотальной войны.

¹⁸ Густав фон Кар (1862–1934), баварский политик, глава правительства Баварии в 1917–1924 годах, активный участник подавления «Пивного путча», был убит во время «ночи длинных ножей».

Антон Дрекслер (1884–1942) – основатель Немецкой рабочей партии, которую позднее под новым названием НСДАП возглавил Адольф Гитлер

Атмосфера в зале была до предела наэлектризована. Как оказалось, это было его первое появление на публике после отбытия короткого тюремного заключения за разгон собрания, на котором выступал баварский сепаратист по фамилии Баллершtedт, поэтому сегодня ему приходилось быть осторожным в выборе слов, чтобы полиция не арестовала его снова за нарушение общественного спокойствия. Возможно, именно это дало его речи ту восхитительную

силу, которой по иронии судьбы я ни разу больше не чувствовал ни у него, ни у кого-либо другого. Никто, кто судит о его возможностях оратора по его выступлениям в дальнейшем, не может правильно оценить его дар. Со временем его стали пьянить собственные речи перед гигантскими толпами, а использование микрофона и громкоговорителей убило былую индивидуальность его голоса. В ранние годы он владел голосом, речью и аудиторией так, как не получится никогда ни у кого, а в тот вечер он был в своей лучшей форме.

Я был не далее чем в трех метрах от него и внимательно наблюдал за выступлением. Первые десять минут он излагал историю последних трех-четырёх лет, очень грамотно аргументируя свою позицию. Негромким, сдержанным голосом он нарисовал картину происходившего в Германии с ноября 1918 года: крах монархии и Версальский мир, основание республики после бесславного поражения в войне, понимание ошибочности международного марксизма и пацифизма, вечная классовая борьба и в результате – безнадёжная патовая ситуация с работодателями и рабочими, с националистами и социалистами. В некоторых его фразах и коварных намеках слышалась изысканность аристократических бесед великосветских салонов. Не было сомнений, что родом он из Австрии. Хотя большую часть времени он говорил с верхненемецким акцентом, случайные слова выдавали его. Помню, как он произносил первый слог слова Егоре на латинский манер «айу», что характерно для Вены, в отличие от северонемецкого «ой», были и другие примеры, которые сложно передать на английском. Когда он чувствовал, что аудитории интересна тема его речи, он слегка отодвигал левую ногу в сторону, как солдат, стоящий по стойке «вольно», и начинал активно жестикулировать, демонстрируя богатейший арсенал жестов. В его речи не было того лая и криков, которые выработались у него позже, у него был потрясающий насмешливый юмор, который, обличая, не был оскорбительным.

Он зарабатывал очки на всех фронтах. Сначала он критиковал кайзера за слабовольность, затем переключился на поборников Веймарской республики, потакавших требованиям победителей и отрывающих от Германии все, кроме могил погибших в войне. В его обращении к аудитории был мощный призыв к бывшим военным. Он сравнивал движение сепаратистов и религиозную специфику баварских католиков с товариществом, которое возникало на фронте, ведь солдат никогда не спрашивал у раненого товарища о его религии, прежде чем перевязать ему рану. Он подробно останавливался на вопросах патриотизма и национальной гордости, в подтверждение своих слов приводя деятельность Кемаля Ататюрка в Турции и Муссолини с его маршем на Рим, случившимся тремя неделями ранее.

Он обрушивался на спекулянтов, наживающихся на послевоенном дефиците. Помню, он сорвал бурю аплодисментов, когда раскритиковал их за трату иностранной валюты на импорт апельсинов из Италии для богатых, когда рост инфляции поставил половину населения на край голода. Он нападал на евреев, не столько на почве расизма, а за то, что те заполонили чёрный рынок и наживались на горе вокруг них – обвинение, которое нашло крайне благодарных слушателей. Потом он обрушился на коммунистов и социалистов за их стремление разрушить немецкие традиции. Все эти враги народа, объявил он, однажды будут *beseitigt*, буквально – ликвидированы или устранены. Это было идеально подходящее слово в тех обстоятельствах, и в нем я не увидел никакого зловещего подтекста. Я даже сомневаюсь, имело ли это слово для Гитлера то же значение, которое оно приобрело позже, но это длинная история.

По мере приближения к основной теме своей речи он стал говорить быстрее, его руки эффектно отмечали главные моменты тезисов и антитезисов, сопровождая взлёты и падения его интонации, усиливая масштабность проблем и подчеркивая основные идеи. Иногда ему возражали. Тогда Гитлер слегка подымал правую руку, будто ловя мяч, или сгибал руки, и одним-двумя словами возвращал аудиторию на свою сторону. Его техника речи напоминала приемы нападения и защиты фехтовальщика или балансирование канатоходца. Иногда он напоминал мне искусного скрипача, который никогда не доводил движение смычка до конца, а

всегда заканчивал слабым продолжением звука – мысли, которая не нуждалась в грубом словесном выражении.

Я смотрел на присутствующих в зале. Куда девалась аморфная толпа, которую я видел всего час назад? Что внезапно захватило этих людей, которые на фоне катастрофического падения уровня жизни вели ежедневную борьбу за сохранение относительно приличного существования? Гул и звон кружек прекратился, они впитывали каждое слово оратора. В паре метров от меня сидела молодая женщина, ее глаза были прикованы к говорящему. Словно в религиозном экстазе, она перестала быть собой и полностью попала под колдовство абсолютной веры Гитлера в будущее величие Германии.

Гитлер сделал паузу, чтобы промокнуть пот со лба и сделать большой глоток из кружки пива, переданной ему мужчиной средних лет, с темными усами. Это стало завершающим штрихом, личным посланием, которое послужило дальнейшим толчком к развитию энтузиазма солодовых мюнхенцев. Сложно сказать, сделал ли Гитлер этот глоток, чтобы дать аудитории возможность зааплодировать, или же они аплодировали, чтобы дать ему возможность выпить.

Мой сосед сказал: «Это Ульрих Граф подал ему пиво. Он телохранитель Гитлера и следует за ним везде. В некоторых землях за голову Гитлера назначена награда». Я посмотрел на Графа и увидел, что, взяв обратно кружку, его правая рука вернулась в оттопыривавшийся карман плаща. Уверенность этого движения и то, как он не отрываясь смотрел на передние ряды, подсказали мне, что в кармане у него пистолет.

Ульрих Граф (1878–1950) – партийный деятель НСДАП, один из ближайших соратников и первый телохранитель Гитлера, бригадефюрер СС (20 апреля 1943)

Аудитория отозвалась финальным взрывом бешеного одобрения, аплодисментами и канонадой стука по столам. Звучало это как адский шум тысяч градин, ударяющих о поверхность гигантского барабана. Это было мастерское представление. Я действительно был безмерно потрясен Гитлером. Несмотря на его провинциальные манеры, казалось, что его кругозор был намного шире, чем у любого другого немецкого политика. Со своим потрясающим ораторским даром он определенно должен был далеко пойти, и, как я видел, в его окружении не было никого, кто мог бы донести до него представление об окружающем мире, которого ему явно не хватало. И мне показалось, что здесь я могу помочь. Складывалось ощущение, что он не имел понятия о роли, сыгранной Америкой в победе в этой войне, и рассматривал европейские проблемы с ограниченной континентальной точки зрения. И по крайней мере здесь я мог дать ему нужные сведения.

Но это было на будущее. Он стоял на сцене, приходя в себя после своего представления. Я подошел, чтобы представиться. Наивный, и в то же время сильный, любезный и бескомпромиссный, он стоял весь в поту, его воротничок, заколотый квадратной английской булавкой поддельного золота, совсем потерял форму. В разговоре он промокал лицо тем, что раньше было носовым платком, озабоченно посматривая на многие открытые выходы, через которые внутрь залетал холодный ветер ноябрьской ночи.

«Герр Гитлер, меня зовут Ханфштангль, – сказал я. – Капитан Трумэн-Смит попросил меня передать вам свои наилучшие пожелания». «А, этот большой американец», – ответил он. «Он попросил меня прийти сюда и послушать вас, и могу только сказать – я потрясен, – продолжил я. – Я согласен с 95 процентами того, что вы говорили, и когда-нибудь очень хотел бы поговорить об оставшихся пяти процентах».

«Конечно, почему нет, – ответил Гитлер. – уверен, мы не поссоримся из-за этих пяти процентов». Он произвел на меня очень приятное впечатление своими скромностью и дружелюбием. Так что мы пожали друг другу руки, и я отправился домой. В ту ночь я долго не мог заснуть. В моей голове все еще бурлили впечатления этого вечера. Там, где наши консервативные политики и говоруны проваливались в пропасть, не умея установить какой-либо контакт с обычными людьми, этот человек, Гитлер, обязанный всем только самому себе, совершенно очевидно имел успех в предложении некоммунистической программы именно тем людям, чья поддержка была нам нужна. С другой стороны, мне не нравилось, как выглядели его близкие сторонники, которых я видел. Розенберг и люди вокруг него были явно сомнительными типами. Потом я вспомнил афоризм Ницше, который успокоил меня: «Первые последователи движения не являются его опровержением».

Глава 2

Тристан на Тирштрассе

Сахар в вине. – Розенберг. – Учебник пехотинца. – Подготовка Гитлера к обществу. – Столик для завсегдатаев в кафе «Ноймайер». – Причуды и близкие друзья. – Базовый курс диктатора. – Вагнер на пианино. – От «Фалара» до «Зиг хайль». – Женская реакция. – Брошюра становится газетой

Хоть я и попал под ораторские чары Гитлера, но с оговорками. Во второй раз, слушая его выступление, я был впечатлен меньше. Я опоздал и не хотел мешать, поэтому остался у двери. Расстояние уменьшило силу и магнетизм голоса Гитлера, и все это действо казалось уже не таким личным, как будто прочтение утренней газеты. Он пугал меня своей чудовищной кампанией подстрекательства к насилию в отношении Франции, в случае если ее войска войдут в долину Рура. Он говорил, что если государство не вступится за нацию, тогда нация должна биться за себя сама. Завуалированно он наметил черты плана сопротивления французскому вторжению в район Рейна, которое должно было принять форму партизанской войны. Мне показалось, что это были слова отчаявшегося человека. В перенаселенной Германии никогда бы не получилось вести войну силами нерегулярных формирований вольных стрелков. Всякий раз, когда Гитлер затрагивал вопросы международной политики, он высказывал тревожащие меня взгляды, не соответствующие положению дел и весьма сумасбродные. Было очевидно, что он не имеет представления о том, как выглядит Германия из-за ее пределов. Вместе с тем было кое-что, что примиряло меня с ним, – какой-то элемент космополитизма, дунайский стиль, тот широкий немецкий взгляд на политику, с которым я столкнулся, будучи студентом в многонациональной Вене. Что было на уме у этого необычного человека? У меня возникло желание встретиться с ним в более узком кругу и поговорить один на один.

Вскоре после этого было еще одно собрание в Циркус Крон, и я взял с собой жену и двух друзей, чтобы, сидя за столиком, послушать его речь. Как помню, в тот вечер там были первая жена Олафа Гульбрансона, знаменитого художника и карикатуриста из журнала *Simplicissimus*, и фрау фон Каульбах, вдова известного художника. После окончания выступления мы поднялись наверх, и я представил дам Гитлеру. Он оказался в восторге от моей жены, она была очень красивой блондинкой родом из Америки, и сразу согласился, когда она сказала, что была бы очень рада, если бы он смог зайти к нам на чашечку кофе или поужинать. Вскоре он стал частым гостем у нас, приятным и скромным в своем коротком синем сержантском мундире. Он был почтителен, даже немного робок, и очень тщательно следовал формам обращения, которые все еще строго соблюдались в Германии между людьми невысокого социального статуса при разговоре с теми, у кого было лучшее образование, ученые звания или научные достижения. Единственными выдающимися его чертами были удивительно яркий взгляд его синих глаз и чувствительные руки, ну и, конечно, безусловный дар красноречия.

В тот день он был особенно обаятелен и весел, та взрослая непосредственность, которая так притягивает детей. Эгон оказался без ума от него. Помню, прямо перед одним его приходом сын ударился коленкой о ножку ужасного кресла в стиле эпохи Возрождения. Она была вырезана в виде льва с высунутым языком, напоминая одну из горгулий на соборе Парижской Богоматери. Удар оказался очень болезненным, и Эгон заревел. В это время нам сообщили о приходе Гитлера, и он вошел в комнату в тот момент, когда я пытался успокоить мальчика, хлопая по льву и приговаривая: «Вот сейчас я тебе покажу, как кусаться» или что-то в этом роде. Гитлер подошел ко льву и тоже ударил по другой его ноге, чтобы поддержать меня. Ну и,

конечно, Эгон расплылся в улыбке. Это стало их обычной игрой. В каждый свой визит Гитлер шлепал льва и спрашивал сына: «Ну как, он хорошо себя вел в этот раз?»

Бытует мнение, что мы научили Гитлера поведению за столом. Это не так. Он совсем не вел себя как неотесанный мужлан за трапезой. Но у него были довольно любопытные вкусы. Он был самым большим сладкоежкой, которого я встречал в своей жизни, и для него никогда не было слишком много его любимых австрийских пирожных с шапкой из взбитых сливок. Однажды за столом я подумал угостить его бутылкой лучшего гевюрцтраминера из погребов князя Меттерниха. В какой-то момент мне пришлось выйти из комнаты, чтобы ответить на телефонный звонок, и когда я вернулся назад, то увидел, как он кладет в бокал целую ложку сахарной пудры. Я сделал вид, что не обратил на это внимания, а он выпил этот раствор с явным удовольствием.

Он был ненасытным чтецом и буквально набросился на мою библиотеку книг по истории, которую я собирал. Он прочитал все, что было можно, о Фридрихе Великом и Французской революции и, проводя исторические параллели, пытался обосновать причины теперешних трудностей Германии. В течение многих лет Фридрих был его героем, и он не устал приводить примеры успехов короля в развитии Пруссии, несмотря на крайне неблагоприятную ситуацию. Мне такая одержимость не казалась очень уж опасной, так как Фридрих всегда был человеком, который точно знал, когда надо остановиться. Проблема была в том, что, когда Гитлер пришел к власти, его политическим кумиром стал Наполеон, который как раз таки не знал, когда нужно остановиться. И эта ошибка в конечном счете привела Гитлера к такой же катастрофе.

Другим его военно-политическим кумиром был Клаузевиц, которого он мог цитировать в любых количествах, и это была еще одна причина его краха. Ни он, ни кто-либо из его окружения – а нужно помнить, что, в общем-то, практически те же его друзья-конспираторы 1920-х годов в 1930-х захватили власть в Германии, – не имели ни малейшего представления о силе морских держав. Они мыслили исключительно в масштабах Европы. Для них международная политика силы была неразрывно связана с ограничениями, присущими сухопутным военным действиям, и за десятилетие попыток изменить эту точку зрения Гитлера мне так и не удалось донести до него идею о том, что Америка является неотъемлемым фактором европейской политики.

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780–1831) – прусский военачальник, военный теоретик и историк. В 1812–1814 годах служил в русской армии. Своим сочинением «О войне» произвёл переворот в теории и основах военных наук.

В один из его первых визитов я попытался устранить эту опасную одержимость реваншем против Франции, который бы стал путем к восстановлению позиций Германии в мире. Мы сидели вместе после обеда, когда он сдержанно спросил меня: «Ну, герр Ханфштангль, что вы думаете о ситуации в мире и ее влиянии на Германию?» И затем он дал мне говорить семь или восемь минут, слушая с превеликим вниманием и ни разу не перебив меня. Это свойство, как мне кажется, по мере усиления своей власти он потом утратил.

«Ну, – сказал я, – вы только что сражались в войне. Мы практически выиграли в 1917 году, когда Россия рухнула. Тогда почему же в конечном счете мы проиграли эту войну?»

«Потому, что в войну вступила Америка», – сказал он. «Если вы это признаете, то мы оба сходимся в этом вопросе, и это все, что нам нужно понимать, – продолжил я. – Я был там во время войны и могу сказать, что эта страна представляет собой совершенно новый фактор в европейской политике. Где мы были в 1917 году? Французы бунтовали, британцы уже практически полностью получили свое, и что случилось потом? Америка мобилизовала 2,5 миллиона солдат из ниоткуда и отправляла по 150 тысяч человек в месяц на фронт. Если случится еще одна война, то ее непременно выиграет тот, на чьей стороне будет Америка. У нее есть деньги, у нее есть огромный промышленный потенциал, игнорируя ее, вы становитесь на гибельный путь. Единственной правильной политикой для вас является поиск дружбы с США. Это единственный способ поддерживать мир в Европе и возродить положение нашей страны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.